

Два раза только за все время, как существуют международные отношения между Россией и Германией, русские императоры причинили ей положительное зло. Первый раз Петр III, который, едва взойдя на престол в 1761 г., спас Фридриха Великого и королевство Прусское вместе с ним от неизбежного уничтожения, приказав русской армии, сражавшейся до тех пор с австрийцами против него, присоединиться к нему против австрийцев. Другой раз это был Александр I, который в 1807 г. спас Пруссию от полного уничтожения.

Вот, без сомнения, две очень плохие услуги, оказанные Россией Германии и, если немцы жалуются именно на это, я должен признать, что они тысячу раз правы. Ибо, спасая дважды Пруссию, Россия, несомненно, если и не сама сковала, то по меньшей мере помогла сковать цепи Германии. Иначе я поистине никак не могу понять, на что могут жаловаться эти добрые немецкие патриоты?

В 1813 г. русские пришли в Германию как освободители и немало способствовали, что бы там ни говорили господа немцы, освобождению ее от ига Наполеона. Или, может быть, они в претензии на того самого императора Александра за то, что он помешал в 1814 г. прусскому фельдмаршалу Блюхеру отдать Париж на разграбление, когда тот высказал такое желание? Если так, то это показывает, что пруссаки всегда имели те же инстинкты и что их природа не изменилась. Или они недовольны Александром за то, что он почти заставил Людовика XVIII дать Франции конституцию, вопреки желаниям, выраженным королем прусским и императором Австрии, и за то, что он изумил Европу и Францию, выказав себя, он, император России, более гуманным и более либеральным, чем два великих властителя Германии?

Может быть, немцы не могут простить России постыдного раздела Польши? Увы! Они не имеют на это права, ибо они сами взяли добрый кусок этого пирога. Конечно, этот раздел был преступлением. Но среди коронованных разбойников, совершивших его, был один русский и два немецких: императрица Австрии Мария Тереза и великий король Пруссии Фридрих II. Я мог бы даже сказать, что все трое были немцы, ибо развратной памяти императрица Екатерина II была не кем иным, как чистокровной немецкой принцессой. Фридрих II, как известно, обладал хорошим аппетитом. Не предложил ли он своей доброй русской кумушке разделить также и Швецию, где царствовал его племянник? Инициатива раздела Польши с полным правом принадлежала ему. Прусское королевство выиграло от него гораздо больше, чем двое других соучастников в разделе, ибо оно сорганизовалось как настоящая великая держава лишь благодаря завоеванию Силезии и этому разделу Польши.

Наконец, может быть, немцы настроены против Русской империи за свирепое, варварское, кровавое подавление двух польских революций в 1830 и в 1863 гг.? Но и на это они не имеют никакого права, ибо в 1830, как и в 1863 г., Пруссия была самой интимной сообщницей Санкт-Петербургского кабинета и верным, услужливым поставщиком его палачей. Разве граф фон Бисмарк, канцлер и основатель будущей Кнута-Германской империи, не считал своим приятным долгом выдавать Муравьевым и Бергам всех поляков, попадавших ему в руки? А эти самые прусские лейтенанты, выставляющие теперь напоказ свою гуманность и свой пангерманский либерализм во Франции, разве они не организовали в 1863, 1864 и 1865 годах в польской Пруссии и в великом герцогстве Познани, как истые жандармы, какими они, впрочем, являются и по природе, и по вкусам, правильную охоту на несчастных польских повстанцев, бежавших от казаков, чтобы выдать их закованными в цепях русскому правительству? Когда в 1863 году Франция, Англия и Австрия послали свои протесты князю Горчакову в защиту Польши, одна Пруссия не пожелала протестовать. Ей было невозможно протестовать по той простой причине, что с 1860 года все усилия ее дипломатии стремились к отговариванию императора Александра II от малейшей уступки полякам¹.

Очевидно, что во всех этих отношениях немецкие патриоты не имеют права посылать упреки Русской империи. Если она фальшиво поет – и поистине ее голос отвратителен, – Пруссия, являющаяся ныне головою, сердцем и рукою великой объединенной Германии, никогда не отказывала ей в добровольном аккомпанементе. Остается, следовательно, одна последняя обида:

«Россия, – говорят немцы, – с 1815 года и по сей день оказывала губительное влияние как на внешнюю, так и на внутреннюю политику Германии. Если Германия так долго оставалась разделенною, если она остается рабой, то этим она обязана роковому влиянию».

¹ Когда посланник Великобритании в Берлине, лорд Блумфильд, если не путаю имени, предложил г. фон Бисмарку подписать от имени Пруссии знаменитый протест западных держав, г. фон Бисмарк отказался, сказав английскому посланнику: «Как хотите вы, чтобы мы протестовали, когда в течение уже трех лет мы только и делаем, что твердим России одно: не делать никакой уступки Польше». – Прим. Бакунина.